
С. А. НЕФЕДОВ

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ КРУГОВ

(на основе анализа монгольских завоеваний)

Принято считать, что последняя четверть XX в. была временем кризиса исторической науки, который был вызван новой волной критицизма по отношению к существующим методологическим подходам. Результатом этой критики, по словам Ж. Ревеля, явилось состояние «эпистемологической анархии», господство «микроистории» и нарратива (Ревель 1998: 82). Однако в последнее десятилетие наблюдается возрождение интереса к исторической теории; в значительной степени это связано с деятельностью американской школы исторической социологии и с работами таких известных историков, как Ш. Эйзенштадт, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун. Изучение новых методологических подходов ведется и в России; в этой связи можно, в частности, назвать работы Л. Е. Гринина, И. М. Дьяконова, Л. С. Васильева, А. В. Коротаева, Э. С. Кульпина.

В контексте методологических поисков нужно рассматривать и новое обращение к теории диффузии как к объяснительному инструменту российской истории, предпринятое в статье В. В. Алексеева, С. А. Нефедова и И. В. Побережникова (2000). Авторы статьи пытаются интерпретировать основные события средневековой истории России на основе теории культурных кругов – историко-этнологической концепции, весьма популярной в 20-х и 30-х годах нашего столетия. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра (Graebner 1911). Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, *фундаментальных* открытий. *Фундаментальные открытия* – это открытия, позволяющие овладеть новыми ресурсами и возможностями в современной терминологии, это открытия, расширяющие экологическую нишу этноса и способствующие увеличению его численности. Это могут быть достижения в области производства пищи, например доме-

стикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть *новое оружие* или новая военная тактика, позволяющие раздвинуть границы обитания за счет соседей. Это могут быть транспортные средства, позволяющие открыть и освоить новые земли. В качестве фундаментальных открытий можно рассматривать также новые технологии, способствующие достижениям в упомянутых выше областях: например, освоение металлургии железа, с одной стороны, позволило создать железные топоры и плуги, облегчившие освоение целины, с другой стороны, сделало возможным появление нового оружия – железных мечей. Эффект фундаментальных открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Освоение земледелия, к примеру, привело к тому, что племена земледельцев, распахав все свои земли, стали переселяться на территории охотничьих племен, и поскольку они обладали превосходством в численности, то соседи не могли им препятствовать. Охотников отесняли в леса и в горы; часть из них присоединялись к земледельцам, перенимали их культуру и, в свою очередь, передавали им некоторые традиции аборигенов. Таким образом, происходил *культурный и социальный синтез*, результатом которого было появление новых племен и новых народов, но эти новые народы сохраняли культурный комплекс, связанный с использованием земледелия, и сохраняли его в той конкретной форме, которую придал ему народ-первооткрыватель. Волна расселения, между тем, продолжала двигаться дальше, постепенно образуя культурный круг – область распространения данного культурного комплекса.

Как отмечалось выше, фундаментальные открытия, как правило, совершаются один раз и в одном месте. Теоретически, конечно, возможно, что фундаментальное открытие, породившее данный культурный круг, будет повторено в другом месте, но в реальности вероятность такого события близка к нулю: быстрота распространения информации о фундаментальном открытии не оставляет времени для его независимого повторения.

Ф. Гребнер выделил несколько культурных кругов на территории Австралии и Океании. В качестве примера часто приводится культурный комплекс «восточно-папуасского» круга: земледелие с возделыванием клубневых растений, рыболовство при помощи сетей, дощатая лодка, огневая пила, тяжелая палица с утолщением на

конце, хижина с двухскатной крышей, спиральное плетение корзин, широкий щит, деревянный или плетеный, два экзогамных класса с женским счетом, тайные мужские союзы и пляски в масках, культ духов умерших и черепов, лунная мифология, людоедский миф, пластические изображения духов, круговой орнамент, сигнальный барабан, флейта Пана, однострунный музыкальный инструмент, звучащие дощечки и некоторые другие культурные элементы (Graebner 1905). Легко видеть, что в основе этого культурного круга лежат три первых элемента, которые являются фундаментальными открытиями, остальные элементы играют «сопровождающую» роль, но они важны, поскольку их распространение несет с собой существенные перемены в культуре и социальных отношениях. Кроме того, эти элементы играют роль своеобразных маркеров, помогающих более четко обозначить границы культурного круга и прояснить направление его распространения.

Созданная почти столетие назад, теория культурных кругов прошла длительный путь развития; одно время она подвергалась критике, но затем авторитет теории был в целом восстановлен, и она до сих пор эффективно применяется в археологии и этнографии (Васильев 1976: 3–36). Что же касается применения теории культурных кругов в исторической науке, то это редкое явление, главным образом применяемое в тех случаях, когда в условиях недостаточности письменного материала историки использовали археологические и этнографические данные (Heichelheim 1938). Существенным препятствием на пути распространения теории культурных кругов были стимулированные политиками националистические и этноконфессиональные предубеждения. Тем не менее в наше время важная роль диффузии инноваций не вызывает сомнения у большинства историков; например, в изучении истории Нового времени теория диффузии является важной составной частью теории модернизации (Алексеев и др. 2000).

Смысл нового обращения к теории культурных кругов заключается в перенимании историками заключенной в этой теории общей идеи: фундаментальное открытие делается однажды и в одном месте, оно порождает миграционную и диффузионную волну, которая, распространяясь, создает новый культурный или цивилизационный круг – попросту говоря, новую цивилизацию. Чаще всего в роли фундаментального открытия выступает новое оружие, а миграционная волна принимает вид волны завоеваний. Классическим

примером такой волны являются завоевания Александра Македонского, приведшие к образованию того культурного круга, который называют эллинистической цивилизацией. Можно перечислить многие элементы определявшего эту цивилизацию культурного комплекса: в этот комплекс входят стандартные образцы греческой архитектуры, керамика, монеты, одежда, характерные черты социальной организации полисов и клерухий и т. д. Однако главный элемент – это македонская фаланга; она одерживала победы, прославившие Александра (Conolly 1981: 73). Создание фаланги выдвинуло на арену истории до того мало кому известный горный народ – македонян. Овладев культурными областями Греции, македоняне затем распространили греческую культуру по всему Ближнему Востоку, но по отношению к фундаментальному открытию греческие культурные элементы имели в основном сопровождающий характер.

Главным признанием могущества фаланги было перенимание этого открытия противниками македонян, в частности Спартой (Плутарх 1964: 93). Фундаментальное открытие (в данном случае – новое оружие) дает в руки своих обладателей решающее преимущество, и чтобы устоять перед их натиском, окружающие народы вынуждены поспешно перенимать это оружие. *Именно это обстоятельство – перенимание оружия противника – является свидетельством фундаментального характера данной военной инновации.* Вместе с тем это перенимание является главной составляющей механизма диффузии: вслед за перениманием нового оружия перенимается тактика его использования и военная организация, которая часто является частью социальной организации (например система клерухий или поместная система). В большинстве случаев перенимаются и сопровождающие фундаментальное открытие культурные элементы, такие как политические институты, одежда, обычаи и т. д., но формально это перенимание уже не является необходимым, и глубина этих заимствований свидетельствует о силе того давления, которое оказывает на соседей народ-первооткрыватель. Перед волной завоеваний движется волна диффузии; заимствуя новые культурные элементы, окружающие народы присоединяются к новому культурному кругу.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как динамичную картину распространения культурных кругов, порождаемых происходящими в разных странах фундамен-

тальными открытиями. История отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей. В исторической науке такие трансформации применительно к конкретным случаям обозначаются как эллинизация, романизация, исламизация, вестернизация и т. д. В приложении к истории России часто говорят о том, что сначала наша страна принадлежала к византийскому культурному кругу, затем, после монгольского нашествия, русская культура подверглась сильному восточному влиянию, а после реформ Петра I стала частью европейского культурного круга (Guins 1963: 355–368; Mirsky 1952: 183–186; Florinsky 1953). Однако если интерпретация реформ Петра как приобщение к европейской цивилизации не вызывает возражений у большинства историков, то роль монгольского нашествия является предметом давней дискуссии. «Создается впечатление, что русские стыдились того времени, когда они были покорены “азиатами”, – отмечал американский историк П. Силфен. – До некоторой степени русские исследователи были способны превратить недостаточность и неопределенность имеющихся свидетельств в свое преимущество». Не имея точных руководящих принципов, историки имели возможность объяснять факты своим собственным способом и развивать теории в соответствии с историческими и политическими концепциями, преобладавшими в их время. Таким образом, Соловьев и Рожков могли утверждать, что монголы не оказали никакого существенного влияния на российскую жизнь, в то время как Сергеевич мог доказывать, что этические стандарты завоевателей нанесли русским глубокий и непоправимый ущерб. Свидетельств было настолько мало и они так зависели от персонального восприятия, что «никто не мог доказать другому его неправоты» (Silfen 1974: 91).

Такое положение характерно и для современной российской историографии. «Вопрос о воздействии монгольского нашествия на развитие русского общества – один из самых сложных в истории Руси, – отмечают А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузов. – Крайний недостаток источников затрудняет ответ на него, поэтому вполне возможным становится появление таких работ, в которых отрицается какое-либо воздействие нашествия на развитие Руси» (Хорошкевич, Плигузов 1989: 22).

Любопытно, что подобная ситуация сложилась в последнее время и в среде исследующих эти проблемы западных историков. На сегодняшний день наиболее полное исследование проблемы распространения административных институтов Монгольской империи на Руси принадлежит Дональду Островскому, однако концепция Островского встречает возражения со стороны гиперкритически настроенных исследователей (Ostrowski 1998; 2000).

П. Силфен ясно формулирует причины создавшегося положения: ограниченность свидетельств, а также отсутствие четких методологических принципов. Представляется, что теория культурных кругов, предназначенная для использования в ситуации недостаточности свидетельств, может до некоторой степени восполнить этот методологический пробел.

* * *

Переходя к конкретному рассмотрению монгольского культурного круга, необходимо прежде всего установить причины его возникновения и расширения, указать на то фундаментальное открытие, которое играло в этом определяющую роль. Нет сомнения, что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Приведем один пример. В сентябре 1211 г. монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной империи Цзинь. Это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-лучников. «В авангарде выставляют копьеносцев, которых называют “ин” – “стойкими”, – писал о цзиньцах сунский историк Сюй Мэн-синь. – Солдаты и их лошади одеты в латы». За копьеносцами, которые составляли около половины армии, следовали лучники, одетые в легкие панцири. Копьеносцы таранили строй противника, а лучники производили залп, ворвавшись в него на глубину ста шагов. Численность цзиньской армии составляла около 500 тысяч солдат – это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи (Воробьев 1975: 277–278; Мэн-да бэй-лу 1975: 72). Монголов было не более 100 тысяч – тем не менее цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена.

Историки по-разному объясняют причины монгольских побед: одни говорят о талантах монгольских полководцев, другие – о четкой военной организации, о маневренной тактике. Однако известно, что монголы заимствовали свою тактику и организацию у

Цзинь и побежденной ею империи Ляо (Ларичев, Тюмина 1975: 112; Кычанов 1973: 81), что в сотнях битв на протяжении XIII в. монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы – тем не менее они почти всегда побеждали. Так в чем же заключалась причина этих побед? Ответ на этот вопрос был одной из задач посольства, направленного Римским папой ко двору монгольского хана. Возглавлявший это посольство ученый монах Плано Карпини оставил подробное описание оружия и тактики монголов.

«Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое, – писал Плано Карпини, – два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые... Некоторые имеют латы... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча... Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и они это делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду...». Плано Карпини акцентирует внимание на стрелковом вооружении и стрелковой тактике монголов (Путешествие... 1957: 50–53, 62).

С выводами Плано Карпини перекликается свидетельство армянского царевича Гайтона. «С ними очень опасно начинать бой, – рассказывал Гайтон в 1307 г., – так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают все виды защитных средств и панцирей» (цит. по: Кирпичников 1971: 78).

«В битвах с врагом берут они верх вот как, – свидетельствует Марко Поло, – убежать от врагов не стыдятся; убегая, поворачиваются и стреляют из лука. Коней своих приучили, как собак, ворочаться во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражеских коней, и людей, а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает, оттого что и кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары как увидят, что перебили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разо-

ряют и побеждают врага. Вот так-то они побеждали во многих битвах и покоряли многие народы» (Марко Поло 1940: 65). В «Великой Хронике» Матфея Парижского многократно повторяются свидетельства разных авторов о том, что монголы «несравненные лучники», «удивительные лучники», «отличные лучники». Один из венгерских епископов подчеркивает, что монголы более искусные лучники, чем венгры и половцы, и что «луки у них более мощные» (Матфей Парижский 1997: 268, 270, 277, 283, 287). О том же пишут Фома Сплитский и венгерский монах Юлиан, который отмечает, что «мечами и копьями, они, по слухам, бьются менее искусно» (Фома Сплитский 1997: 111; Аннинский 1940: 87).

Таким образом, свидетельства источников сходятся на том, что монголы были прекрасными лучниками: они выпускали тучи стрел, которые летели дальше, чем у других народов, и ударяли с такой силой, что убивали лошадей и пробивали доспехи всадников. Монголы обладали необычно мощными луками, которые к тому же позволяли поддерживать высокий темп стрельбы, – такой вывод следует из свидетельств современников.

Обратимся теперь к свидетельствам археологии. Вторая половина XX в. ознаменовалась рядом выдающихся открытий российских археологов; благодаря исследованиям А. П. Окладникова, Г. В. Киселева, В. Е. Медведева, Н. Я. Мерперта, Д. Г. Савинова, Л. Р. Кызласова, Е. М. Хамзиной, Ю. С. Худякова и ряда других специалистов была воссоздана картина развития средневековых культур кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока. Одним из результатов этих исследований было получение данных о появлении в период, непосредственно предшествующий началу монгольских завоеваний, нового типа лука. В основе луков, распространенных в Великой Степи ранее, в I тыс. до н. э., лежал лук, некогда созданный племенами хунну. Это был лук с боковыми костяными накладками, которые фиксировали жесткие зоны деревянной основы лука (кибиты). Поскольку эти зоны не участвовали в создании рефлекторного усилия, то лук хуннского типа имел большие размеры – порядка 160 см. В I–V вв. однотипные гуннские луки господствовали на широких просторах степей от Амура до Дуная, но затем на основе этой конструкции появилось множество новых вариантов. Отбор новых конструкций продолжался вплоть до XII века, когда вместе с монголами на арену истории вышел монгольский лук. Этот лук отличался от хуннского лука тем, что имел

не боковые, а одну фронтальную костяную накладку, игравшую принципиально иную роль, – она не лишала участок кибити упругости, а, наоборот, увеличивала упругость, добавляя к рефлекторному усилию деревянной основы усилие расположенной по центру лука костяной пластины. Костяная пластина имеет максимальный предел прочности – примерно вдвое больше, чем древесина (около 13 кг/мм²), и соответственно, распрямляясь, создает вдвое большее усилие. Луки такого типа называют «рефлексирующими»; при небольших размерах (около 120 см) монгольский лук обладал большой мощностью, и эту мощь можно было при желании увеличить, добавляя костяные накладки на плечи лука. Кроме того, по сравнению с другими луками монгольский лук был более гибким и тетива оттягивалась на большее расстояние, поэтому она оказывала на стрелу более длительное воздействие и сообщала ей больший импульс (Савинов 1981: 155, 161; Худяков 1986: 121, 140, 142; Немецов 1987: 214–215; Макьюэн, Миллер, Бергман 1991: 46; Chambers 1974: 55–57).

По данным китайских источников, сила натяжения монгольского лука составляла не менее 10 доу (66 кг), что по крайней мере в полтора раза превышало мощность цзиньских луков (7 доу, или 46 кг). Х. Мартин определяет силу монгольских луков в 166 фунтов (75 кг) и отмечает, что они не уступали знаменитым английским лукам, погубившим французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье. Ю. Чамберс оценивает силу монгольских луков в 46–73 кг, а английских – в 34 кг. После английских луков самыми мощными луками в Европе были венгерские – их натяжение оценивается в 32 кг; напомним, что эти луки противостояли монгольским в битве при Шайо, которая закончилась страшным разгромом венгров (Мэн-да бэй-лу 1975: 7; Кычанов 1973: 277; Шавкунов 1987: 200; Martin 1950: 195; Медведев 1968: 34; Chambers 1974: 57; Szabó 1959).

Небольшие размеры монгольского лука делали его удобным для конного лучника; это позволяло точнее прицеливаться и вести стрельбу в высоком темпе – до 10–12 выстрелов в минуту. Ю. С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия – появления автоматического оружия в XX в. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел» (Худяков 1997: 124).

Новому луку соответствовал новый тип стрел. В монгольское время получили преобладание стрелы с плоскими наконечниками в форме лопатки или трилистника – так называемые «срезни». Плоские наконечники летели с большей скоростью, чем трехлопастные, и в колчан входило большее количество плоских стрел, нежели трехлопастных. Большинство плоских стрел имело ширину пера до 25 мм и вес до 15 г, они не очень отличались по весу от наконечников, применявшихся прежде. Однако наряду с обычными «срезнями» довольно часто встречались огромные наконечники длиной до 15 см, шириной пера в 5 см и весом до 40 г. При обычном соотношении веса наконечника и стрелы (1:5, 1:7) стрела с таким наконечником должна была весить 200–280 г. Тяжелые стрелы были еще одним свидетельством мощи монгольского лука; они обладали огромной убойной силой и предназначались для поражения лошадей (Медведев 1966: 55; Киселев, Мерперт 1965: 192–193; Худяков 1991: 122–123).

Согласно Ю. Чамберсу, дальность стрельбы из монгольского лука достигала 320 м, а дальность английского лука – 230 м. В Эрмитаже хранится каменная стела, найденная в 1818 г. близ Нерчинска; надпись на этой стреле говорит, что когда в 1226 году Чингисхан устроил праздник по поводу одной из своих побед, победитель в соревновании стрелков Есугей Мерген пустил стрелу на 335 алда (538 м). Однако на таком расстоянии было практически невозможно попасть в цель, и прицельная дальность стрельбы из лука монгольского типа была гораздо меньше – она составляла около 150 м. Стрела татарского лука XVI в. на расстоянии 200 м убивала лошадь или пробивала кольчугу навывлет (Chambers 1974: 64–66; Измайлов 1997: 106). По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их; однако научиться стрелять из лука было намного сложнее, чем научиться стрелять из аркебузы. Современные спортивные луки имеют силу натяжения «всего лишь» в 23 кг, но стрельба из них требует хорошей физической подготовки, и даже спортсмену непросто выпустить за день соревнований около сотни стрел. Луки монгольского типа требовали необычайно сильных рук: император Фридрих II особо отмечал, что у монголов «руки сильнее, чем у других людей», потому что они постоянно пользуются луком. Кроме того, требовалась особая сноровка: монгольские лучники использовали для захвата тетивы специальное

кольцо с крючком, которое играло роль спускового механизма. Плано Карпини свидетельствует, что монголы с трехлетнего возраста учили своих детей стрелять из лука, постепенно увеличивая его размеры. Таким образом они наращивали мускулатуру рук и отработывали механизм стрельбы на уровне условных рефлексов. В принципе обучение стрельбе из лука с раннего детства было характерно для кочевых народов со времен гуннов, но дело в том, что более мощный лук требовал от стрелка особых физических и психологических качеств, и должно было пройти немало времени, прежде чем монголы освоили новое оружие. Воинам других народов было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно научиться хорошо стрелять из монгольского лука, даже если бы он достался им в качестве трофея. Писавший в XV в. арабский автор наставления по стрельбе из лука отмечал, что в его время (спустя столетие после падения монгольского владычества в Персии) многие секреты стрельбы были уже утеряны (Пастухов, Плотников 1983: 7–8; Путешествие... 1957: 36; Медведев 1959: 14, 31, 32; Бичурин 1950: 39).

Еще сложнее было наладить производство луков монгольского типа. Изготовление сложносоставных луков требовало большого мастерства. Слои дерева, костяные накладки и сухожилия склеивали под сильным прессом, после чего лук подвергался просушке иногда в течение нескольких лет. Окончание изготовления лука сопровождалось специальными церемониями. Мастера по изготовлению луков пользовались большим уважением, и даже великий хан оказывал им почести. Высоко ценя (и даже почитая) свои луки, монголы, естественно, стремились уберечь их от непогоды; для этого использовалось налучье, которое вместе с колчаном называлось «сагайдак» (Ермолов 1987: 153, 154; Маркевич 1994: 22).

Монгольский лук перенимался другими народами в составе комплекса культурных элементов, определявших культурный круг. Остановимся прежде всего на тех элементах, которые были связаны с вооружением. Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Монгольская легкая кавалерия мчалась вдоль фронта противника, поливая его дождем стрел; если же противник переходил в атаку, то она обращалась в мнимое бегство, но во время этого «бегства» лучники, обернувшись назад, расстреливали своих преследователей и их лошадей. Мощный лук и массивные стрелы позволяли

убивать лошадей, и, действительно, цитированные выше источники свидетельствуют, что поражение лошадей было едва ли не главным элементом этой тактики. Если же противник упорно держался на своей укрепленной позиции, то в атаку шел полк «мэнгэдэй», – это название означает «принадлежащие богу», то есть «смертники». Задача «мэнгэдэй» состояла в том, чтобы (возможно, ценой больших потерь) завязать ближний бой, а затем симулировать бегство и все-таки вынудить противника преследовать лучников. Когда в ходе длительного преследования противник оказывался ослаблен потерями и расстраивал свои ряды, он подвергался внезапному фланговому удару «засадного полка». Как свидетельствует «Сокровенное сказание», именно таким образом была одержана решающая победа в битве при Хуйхэпху. Нужно отметить, однако, что сама по себе тактика «мэнгэдэй» была не новой, ее использовали гунны, скифы и многие другие степные народы, классическим примером применения этой тактики является победа тюрок над византийцами при Манцикерте (1071 г.). Преимущество монголов заключалось лишь в том, что новые луки позволили им применять эту старую тактику с большим успехом (Chambers 1974: 64–66; Худяков 1986: 225; Козин 1941: 179).

Полное преобладание у монголов стрелковой тактики еще более оттеняется тем обстоятельством, что, по свидетельству источников, лишь очень немногие из монгольских воинов имели железные доспехи. Приводя ряд свидетельств такого рода, А. Н. Кирпичников отмечает, что монголы испытывали «хронический недостаток» защитных доспехов, которые обычно добывались в качестве трофеев или изготавливались пленными мастерами (Кирпичников 1989: 186; Киселев, Мерперт 1965: 199). Археологические данные подтверждают этот вывод. Это особенно контрастирует с тяжелым вооружением главных противников монголов: воинов Цзинь (чжурчженей) и прежних, домонгольских, властителей степей – киданей (Худяков 1991: 147, 148; Горелик 1987: 169). Повидимому, в данном случае имел место сознательный отказ части воинов от тяжелого вооружения, который объясняется тем, что тогдашние доспехи все равно не могли защитить от стрел, выпущенных из монгольского лука. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи. Тяжелое вооружение стесняло

движения лучников и уменьшало скорострельность стрельбы; оно не требовалось воинам, не участвовавшим в контактном бою. Кроме того, для удобства стрельбы монгольские лучники использовали короткие стремена: привстав в стременах, лучник мог отчасти стабилизировать качку и точнее целиться. Однако короткие стремена делали всадника неустойчивым в седле и затрудняли ведение ближнего боя. Монголы вступали в ближний бой лишь тогда, когда противники были изранены стрелами и исход сражения был практически решен; эту последнюю атаку проводили сравнительно немногочисленные отряды тяжелой конницы (Ostrowski 1998: 51).

Характерно также и то, что действия монгольской тяжелой конницы не обратили на себя внимания современников, и источники не сохранили их описания. До сих пор отсутствуют находки монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и других специфических приспособлений для таранных ударов (Храпачевский 2004: 202). В некоторых сражениях у монголов совсем не было тяжелой конницы, например, в большой битве при Джебель-ас-Салихийе в Сирии (Арендт 1962: 98–99). Отсутствие тяжелого вооружения тем более показательно, что битва происходила в 1300 г., в период, когда господствовавшие над Ираном монголы получали более чем достаточное количество оружия от иранских ремесленников.

Защитное вооружение монгольских воинов было подробно изучено М. В. Гореликом (Горелик 1983; 1987). Лучники носили легкий стеганный панцирь из кожи, войлока или толстой ткани, такой панцирь по-монгольски назывался «хатангу дегель» («твердый халат»). Тяжеловооруженные всадники были облачены в пластинчатые панцири; металлические пластины крепились на ремешках, поэтому панцири назывались «худесуту хуяг» – «пронизанный, прошитый (ремнями) панцирь». Другой вид панцирей («бехтер») представлял из себя кольчугу, усиленную на груди и на спине металлическими пластинами, иногда вместо нескольких пластин для усиления кольчуги использовалось круглое железное «зеркало» (такой доспех на Руси называли «зерцалом») (Горелик 1983: 248; Худяков 1991: 148). По утверждению специалистов, металлические доспехи монгольских воинов лишь незначительно отличались от доспехов киданей и китайцев; то же самое относится и к металлическим конским доспехам. Одна из разновидностей конского доспеха – «мягкий доспех» – была заимствована монголами на Ближ-

нем Востоке, где такие доспехи стали популярны в конце XII в. Таким образом, в области тяжелого вооружения монголы не создали ничего принципиально нового.

«Монгольские полководцы стремились к решительному столкновению с противником, – пишет Ю. С. Худяков. – Вера в свою непобедимость была столь велика, что они вступали в бой с превосходящими силами противника, стараясь подавить его сопротивление массированной стрельбой» (Худяков 1986: 136). Таким образом, тактика монголов была в основном стрелковой, но эффективность стрельбы была столь велика, что Р. П. Храпачевский сравнивает ее с огневой мощностью регулярных армий Нового времени. Р. П. Храпачевский и Ю. С. Худяков полагают, что лишь развитие огнестрельного оружия положило предел господству конных лучников (Храпачевский 2004: 198; Худяков 1986: 137).

«Оружие всегда было более “международным”, чем другие предметы материальной культуры, – писал А. Ф. Медведев. – Новые его виды, более совершенные и эффективные, появившиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствуются и распространяются, чем украшения или орудия труда. Отставание в военном деле... могло привести к потере независимости. Это и было причиной сравнительно быстрого распространения некоторых видов вооружения у соседних народов». Процесс распространения нового оружия археологически прослеживается как ареал находок луков и стрел монгольского типа – эти находки служат главными маркерами нового культурного круга. При этом важно, что накопечники монгольского типа, относящиеся к XIII–XIV вв., были найдены и там, где монголы не воевали, – в Смоленске, Новгороде, Пскове (Медведев 1968: 51, 75–76, 78).

Поскольку находки луков и их частей сравнительно редки, то вопрос о распространении монгольских луков более сложен. Известно, что к XVI в. на Руси умели делать рефлексирющие луки, но когда именно было освоено их изготовление, остается неясным. Летописи свидетельствуют, что попытки перенимания монгольского вооружения начались уже вскоре после нашествия. Археологические данные свидетельствуют, что с середины XIII в. в вооружении русских воинов традиционная кольчуга («броня») постепенно уступает место пластинчатому «доспеху» монгольского типа; слово «броня» понемногу выходит из употребления (ПСРЛ 1962, т. 2: 814;

Медведев 1959: 119–121; 1968: 13; Соловьев 1988: 515; Кирпичников 1976: 33).

Процесс перенимания монгольского оружия на Ближнем Востоке освещен источниками более подробно, чем на Руси. Рашид-ад-дин свидетельствует, что в Персии оружие для армии ильханов изготовлялось в организованных монголами больших государственных мастерских – «кархана». В этих мастерских работали преимущественно местные ремесленники, обращенные во время завоевания в рабов; оружие делалось «по монгольским обычаям» и при участии монгольских мастеров. К началу XIV в. производство монгольского оружия было освоено свободными ремесленниками, работавшими вне карханы. Распространение монгольского оружия облегчалось тем, что большинство воинов армии ильханов составляли тюрки, и, вооружив эту армию, монголы сами снабдили тюрков (и арабов) новым оружием и научили обращению с ним. Тюрки были военным сословием во всех государствах Ближнего Востока, а также в Египте, в Средней Азии и в Индии; таким образом, принесенные монголами образцы оружия могли свободно распространяться в тюркской военной среде по всему обширному региону. Естественно, что, попав к тюркам и арабам, монгольский лук описывался исследователями как «турецкий» или «арабский», но все это был один и тот же рефлексирующий лук, господствовавший как на Ближнем Востоке, так и на Руси. «Арабские, и русские, и турецкие луки средневековья изготовлялись по совершенно аналогичному принципу, имели в своем составе сходные детали из сходных материалов и даже по внешнему виду и размерам были похожи друг на друга. Именно поэтому Флетчер и другие иностранцы, побывавшие в России в XVI в., отмечали, что русские луки похожи на турецкие» (Рашид-ад-дин 1946: 301–302; Медведев 1968: 13).

О заимствовании монгольского оружия говорит и перенимание соответствующей терминологии. Прежде всего перенималась терминология, связанная с луком. Славянское слово «тул» было вытеснено монгольским словом «колчан». Лук в комплекте с колчаном и налучьем стал называться «сагайдаком» или «саадаком», чехол для колчана – «тохтуем». Большие стрелы (характерные для монголов) назывались на Руси «джид», другая разновидность стрел – «томары». Перенималось и оборонительное оружие. Легкий стеганный доспех лучников на Руси назывался «тигилай» (от мон-

гольского «дегель»), тяжелый пластинчатый доспех – «куяк» («ху-яг»), усиленная кольчуга – «бехтерец» («бехтер») (Бранденбург 1871: 76–78). В XIV–XVI вв. производившие монгольское оружие персидские ремесленники славились по всему Востоку, а также и на Руси. Со временем первоначальные монгольские названия разных видов оружия заменялись персидскими или арабскими (Аннинский 1940: 341; Бранденбург 1871: 76–78; Горелик 1987: 196; Винклер 1992: 251; Кирпичников 1980: 99–100). Оборонительное оружие перенималось медленнее, чем лук и стрелы. Основная масса кочевников Восточной Европы осталась верна своему старому доспеху, кольчуге; в погребениях кипчаков кольчуга встречается в десять раз чаще, чем пластинчатые доспехи монгольского типа (Федоров-Давыдов 1966: 35).

Говоря о распространении монгольского оружия, необходимо упомянуть также и о порохе. Порох был китайским изобретением. Монголы быстро заимствовали пороховые гранаты «хо пао». На Руси слово «порох» впервые упоминается в конце XIII столетия в так называемом «Новгородском словаре» (Арендт 1928: 453; Школяр 1980: 161, 162, 178).

Вслед за вооружением заимствовалась военная организация и тактика. Десятичная организация, жесткая военная иерархия и суровая дисциплина не были изобретением монголов. «Многое из того, что нередко приписывается исключительно гениальности Чингисхана, – отмечает Н. Н. Крадин, – на самом деле было лишь повторением... того, что уже случилось в истории Халха-Монголии на 1400 лет раньше». Деление войска на десятки, сотни, тысячи было заимствовано монголами у киданей и Цзинь, а затем было введено ими во всех завоеванных странах. В. В. Бартольд писал, что военное устройство тюрок XV в. было «наследием империи Чингисхана», в определенной степени это можно сказать и о Руси. Характерной чертой десятичной организации было наличие у каждого командира знамени и сигнального барабана; русские слова «хоругвь» и «тулумбас» (седельный барабан) имеют монгольское происхождение. Большой барабан, «набат» (арабск. «неубэт») считался принадлежностью воеводского звания. Как у монголов (и у тюрок), русское войско иногда называлось «кошун» и делилось на пять частей, по крайней мере две из которых именовались так же, как у кочевников («правая рука» и «левая рука»). Сигизмунд Герберштейн, Джером Турбервиль, описывая вооружение и тактику

русских, отмечают восточные корни. Наиболее ярким примером заимствования русскими военной системы татар было принятие на службу царевича Касима с его ордой: в этом случае заимствовались не только оружие и тактика, но и само войско. Это татарское войско впоследствии сыграло большую роль в битве на реке Шелонь; в этом бою была использована тактика «мэнгэдэй», и, как отмечает Н. С. Борисов, «татарская выучка очень пригодилась москвичам»: они одержали победу над десятикратно превосходящим по численности противником (Крадин 2001: 60; Бартольд 1968: 179; Малик-зода 2002; Бранденбург 1871: 81; Герберштейн 1988: 113–114; Вернадский 1997: 370–371; Мэн-да бэй-лу 1975: 77; Кычанов 1973: 278; Ченслер 2003: 446, 447; Фасмер 1964; Турбервилль 1990: 256; Борисов 2000: 240).

Стрелковая тактика и лук стали настолько важным элементом русского военного дела, что саадак был включен в число государственных регалий, то есть стал символом Московского царства. Венчаясь на царство, Михаил Федорович принимал не только Мономахову шапку и державу, но и саадачный набор (Беляков 2002).

Следует отметить, что стрелковая тактика не получила распространения к западу от рубежей Руси. В противостоянии Востока и Запада Русь выступала на стороне Востока.

* * *

Вслед за заимствованиями в военной сфере шли политические и социальные заимствования. Новые политические институты либо непосредственно насаждались завоевателями, либо перенимались как элементы, связанные с военной организацией и необходимые для противостояния завоевателям.

В момент начала завоеваний монголы не имели готовых административных институтов для управления земледельческими государствами; они не имели даже письменности и были вынуждены доверить создание новой администрации перешедшим на их сторону чиновникам покоренных государств. Первым из таких чиновников был уйгур Тата тун-а, который учил детей Чингисхана и первых монгольских чиновников уйгурскому письму. Писцов в новых учреждениях называли по-монгольски «бичэчи», что соответствует уйгурскому «бахши» и китайскому «би-чже» – «секретарь». Естественно, что многие термины, используемые этой администрацией, имели уйгурское происхождение, в их числе «ярлык» (ханский

указ), «тамга» (печать, а также торговый налог), «ал тамга» (алая печать хана), «тамгачи» («обладатель печати», «чиновник»), «купчур», «калан», «ясак» (различные налоги), «сагчий» (сановник) (Мэн-да бэй-лу 1975: 38, 52, 73, 125; Насонов 11; Бартольд 1968: 162, 167; Тихонов 1966: 103–105; Дмитриев 2004).

При великом хане Угэдэе главой новой администрации стал бывший цзиньский чиновник Елюй Чуцай, которому было поручено наладить сбор налогов на завоеванных территориях. Елюй Чуцай восстановил административное деление на области «лу» и провел перепись населения, при которой, как обычно в Китае, переписывались не люди, а дворы, население объединялось в «десятидворки» и «стодворки», связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке рекрутов. После проведения переписи были введены два основных налога – подушный и поземельный. Традиционный для Китая подушный налог («диншуй») собирался с совершеннолетних мужчин; первоначально его собирали в зерне по единой для всех ставке, но позже (с 1253 г.) стала учитываться имущественная состоятельность, и налог стали собирать в деньгах. Поземельный налог (как и при Цзинь) исчислялся в зависимости либо от количества волов и плугов, либо от количества и качества земли. Однако реально каждая семья платила один налог – тот, который был больше; крестьяне обычно платили поземельный, а горожане и кочевники – подушный налог; священнослужители от налогов освобождались. С кочевников брали налог, который назывался «купчур» (собственно «пастбище», или «налог на пастбище») и составлял 1 голову скота с каждых 100 голов (Мункуев 1965: 44, 48; Чулуны 1983: 110; Петрушевский 1960: 360; Воробьев 1975: 258–259; Мэн-да бэй-лу 1975; Schurmann 1956).

Кроме этих основных налогов Чуцай восстановил торговый налог, который взимался при продаже и составлял 1/30 стоимости товара. Была снова введена воинская повинность и государственная торговая монополия на ряд важных товаров, в том числе на соль и вино. В отношении других товаров правительство обладало правом проводить принудительные закупки по установленным им ценам. Был возобновлен выпуск бумажных денег с номинальной стоимостью. Под руководством Чуцай была восстановлена система почтовых станций, которые назывались по-китайски «чжань», или

«чжам», откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское – «йам» и русское – «ям» (Мункуев 1965: 40, 55, 58, 194; Рашид-аддин 1946; Schurmann 1956: 366). Нужно отметить, что функции ямской службы были много шире, чем функции собственно почты; это была государственная транспортная служба, предназначенная для перевозки людей и грузов, и не только государственных грузов: за определенную плату ямами могли пользоваться и купцы. Это была наиболее мощная транспортная система, существовавшая в мире до появления железных дорог.

В целом реформа Чуцай подразумевала восстановление китайской административной и налоговой системы и распространение ее на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* – продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока, хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку».

Однако Чуцаю не удалось восстановить китайскую администрацию в чистом виде. В 1236 г. Угэдэй принял решение – по монгольскому обычаю пожаловать князьям и знати «улусы», которые по-китайски назывались «тан му-и» («уделы на кормление»). Таким образом, страна оказалась поделенной на две части: одни области непосредственно управлялись центральной администрацией, другие отдавались в уделы (Schurmann 1956: 316, 330). Елюй Чуцай протестовал против этого решения и в конце концов настоял, чтобы в каждый удел были назначены государственные чиновники – «даругачи», ограничивавшие права князя. Согласно «Юань ши», даругачи проводили переписи, собирали налоги, доставляли их в столицу, проводили рекрутский набор, отвечали за работу почтовых станций (цит. по: Насонов 1940: 14; Храпачевский 2004: 488–489). Часть налогов, собираемых даругачи, шла владельцу удела, а другая часть – великому хану. Д. Островский обращает внимание на то обстоятельство, что в Китае издавна существовала дуальная система управления: провинцией управляли два губернатора – гражданский и военный. В этой системе, полагает Д. Островский, долж-

ность даругачи соответствовала должности гражданского губернатора (Ostrowski 1998: 40). Хотя в двоевластии князей и даругачи просматривается желание Елюй Чуцай приблизить новую администрацию к традиционным китайским формам, князья, владельцы уделов, играли, конечно, более важную роль, чем прежние военные губернаторы. Монгольский термин «даругачи» происходит от корня «давить», и, как доказывает И. Вазари, он является калькой тюркского термина «баскак». Система «баскаков» ранее существовала в киданьском государстве Западные Ляо (напомним, что Елюй Чуцай был киданем царского рода), и функционально «даругачи» и «баскаки» ничем не отличались друг от друга. В государстве киданей существовало две системы управления: в одном случае гурхан управлял через наместников, в другом случае он приставлял к местным князьям своих баскаков. Именно такой порядок и был установлен в Китае; позднее он был распространен на всю империю (Vasary 1978: 203–205; Пиков 1989: 131].

Елюй Чуцай потерпел еще одну неудачу в попытке сохранения китайской традиции, когда Угэдэй приказал ввести налоговые откупа. Откупа были распространены в мусульманском мире, и они были введены по настоянию монгольской знати, сотрудничавшей с мусульманскими купцами. Пользуясь покровительством знати, откупщики злоупотребляли своими полномочиями: завышали ставки налогов, предоставляли неплательщикам деньги в долг под кабальные проценты, а потом обращали должников в рабов (Мункуев 1965: 60).

Следует обратить внимание на то, что новое общество, возникшее в результате монгольского завоевания Китая, имело особую социальную структуру. Это общество состояло из двух основных сословий: завоеватели составляли господствующее военное сословие; они жили в монгольской степи или в размещенных в Китае военных поселениях. Воины-монголы получали долю добычи, рабов из числа пленных, и (по-видимому, нерегулярные) денежные и продуктовые выдачи; казна снабжала их оружием, а в случае необходимости – лошадьми. Характерно, что поместий с крестьянами ни рядовые воины, ни младшие офицеры не имели; уделы имелись только у высшей знати. Китайцы составляли приниженное сословие, им запрещалось держать лошадей и иметь оружие, конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, подняв-

шему руку на монгола, грозила смерть. Любой военный или чиновник, едущий по делам службы, мог требовать у местных жителей предоставления помещения для своей свиты, а также пищу и корм для лошадей. Такие требования со стороны воинов-монголов обычно сопровождались вымогательствами, грабежом и насилиями. Постоянная повинность была одним из наиболее ярких воплощений права воинов-завоевателей творить произвол над побежденными народами (Мункуев 1965: 57; Петрушевский 1960: 396; У Хань 1980: 36–37; Очерки истории Китая... 1959: 366).

На особом положении находились ремесленники. Монголы высоко ценили ремесло и зачастую, истребляя население завоеванных городов, щадили только ремесленников. Пленных ремесленников отправляли в большие государственные мастерские, где они содержались на положении рабов (Измайлов 1999: 393).

Специфическим институтом нового общества была «орду» в узком смысле этого слова: двор хана, его приближенные и всегда находящаяся при хане 10-тысячная гвардия «кешектенов». Отборная тысяча «кешектенов» называлась «баатуры». Гвардейцы набирались преимущественно из детей знати, они находились на полном обеспечении казны и из их числа набирали чиновников в аппарат управления (Там же: 374). Другим специфическим монгольским элементом новых общественных отношений были так называемые «дарханы» (тюрк. «тарханы») – освобождения от податей, жалуемые ханом тому или иному лицу (а также и сами эти лица). Освобождения такого рода и соответствующие грамоты давали, в частности, духовным лицам и церковным организациям. Как отмечал Х. Шурманн, тарханные грамоты во всех улусах империи писались по одному формуляру, копирующему исходную монгольскую форму. Поэтому грамоты такого типа служат своеобразным маркером, указывающим на границы распространения тарханной практики. Тарханные грамоты перечисляют налоги, от которых освобождалось жалуемое лицо, и являются ценными источниками при идентификации одинаковых налогов, для обозначения которых применялись различные термины (Schurmann 1956: 320–324).

Таким образом, социально-политическое устройство новой Монгольской империи было результатом достаточно сложного *социального синтеза*; в этом синтезе преобладали китайские компоненты, но существенную роль играли также традиции монголов, киданей и мусульман.

* * *

С середины XIII в. завоеватели начинают насаждение имперских социально-политических институтов на территории завоеванных стран. «Так как все страны и народы стали им подвластными, – писал персидский историк Джувейни, – то они провели перепись, после которой в соответствии со своими традициями разделили всех на “десятки”, “сотни” и “тысячи” и потребовали нести военную службу, обслуживать ямы, нести вызванные этим расходы, обслуживать их кормами – это в добавление [к прежним налогам]; сверх всего они установили также купчур» (Juvayni 1958: 33–34).

Сразу после завоевания к покорившимся местным владельцам приставлялся чиновник, который выполнял функции даругачи, таких чиновников в Персии называли «шихнэ», а на Руси – «баскаками». По приказу хана Монкэ в 1250-х гг. была проведена перепись во всей империи (в Китае – в 1252 г., в Иране – в 1253 г.). И. П. Петрушевский писал, что введенный после проведенной в Иране переписи «купчур» был заимствован из Китая, причем имелось две разновидности купчура, собиравшиеся соответственно с кочевников и оседлых жителей. Купчур с кочевников собирали из расчета по 1 голове со ста голов скота; купчур с оседлых жителей выступал в качестве подушного налога, его собирали по 70 дирхемов с «десятка», связанного круговой порукой. Купчур платили только трудоспособные мужчины, от его уплаты освобождались служители религии, которым предоставлялось «тарханство». Известно, что подушную подать собирали с горожан; поначалу в некоторых районах купчур собирался и с крестьян, но затем он был отменен. Сохранившаяся податная роспись Хузистана времен Газан-хана (1295–1304) уже не упоминает о купчуре с земледельцев, с них собирали старую, домонгольскую поземельную подать – «харадж». В документах часто упоминаются термины «калан» и «маль»; как показал Дж. Смит, «калан» – это был монгольский эквивалент местного термина «маль», означающего «обычные», то есть домонгольские налоги. Главным из «обычных» налогов был харадж, поэтому калан в общем соответствует хараджу; И. П. Петрушевский указывает, что в податной росписи Хузистана «маль» – просто синоним хараджа (Петрушевский 1960: 342, 363–365, 368, 369, 384; Schurmann 1956: 378; Али-заде 1956: 204–206; Smith 1970: 49–55).

В итоге можно прийти к выводу, что часто упоминающаяся в значении основного налога пара «купчур – калан» равнозначна «купчур – хараджу» и соответствует китайскому подушно-поземельному налогу, который собирался в городах с «душ» или со дворов, а в деревнях – с земли. Помимо этого основного налога существовали торговый сбор «тамга» и принудительные закупки товаров казной («тарх»). Далее в источниках упоминаются воинская повинность по поставке рекрутов (1 человек с 9 дворов) «улаг» (букв. «вьючное животное»), или «подвода», – повинность по поставке лошадей и подвод для созданных монголами почтовых станций («йамов»), постоянная повинность («нузл») с поставкой проезжающим чиновникам, воинам и гонцам («ильчи») пищи, кормов и содержания («алафэ» и «улафа») (Петрушевский 1960: 386, 393, 396, 398; Рашид-ад-дин 1946: 257–258, 290; Федоров-Давыдов 1966: 40).

Харадж взимался деньгами или в виде доли урожая, причем единицей обложения служил так называемый «джуфт» (по-арабски – «фаддан», по-турецки – «чифт»). Термин «джуфт» имеет двойной смысл: во-первых, это плуг с упряжкой из двух быков, а во-вторых, участок земли, который можно вспахать этой упряжкой. Волынья упряжка стоила больших денег, и обычно она находилась в общей собственности нескольких крестьянских дворов; поэтому «джуфт» как единица обложения не совпадал с двором. После монгольского нашествия свободной земли было много, поэтому каждая упряжка, как правило, распаивала «джуфт» земли, и поземельное обложение совпадало с «поплучным». Поплучное обложение в принципе было одним из двух китайских методов обложения поземельным налогом, однако вряд ли здесь имеется генетическая связь. Такое обложение существовало на Ближнем Востоке и до прихода монголов; поплучный налог существовал и в Византии. Дело в том, что при недостатке грамотных чиновников и знакомых с математикой землемеров обложение плугов является простейшим способом учета пашни, поэтому оно было широко распространено и в Древнем мире, и в средние века. Однако даже такой простейший способ сбора налогов требует проведения переписей и подсчета «джуфтов». Такой учет в Иране проводился, но далеко не всегда; столетие перед монгольским нашествием было временем войн и анархии, когда учет был запущен и переписи не проводились. Монголы восстановили систему учета, и при них появились особые писцы – «битикчи», которые вели составленные в каждом районе

податные росписи – «дафтары» (Петрушевский 1960: 289; Али-заде 1956: 291; Каждан 1952: 144).

Согласно «Великому Дафтару», во времена Абака-хана (1265–1282) в державе Хулагуидов насчитывалось 150 туменов; тумен – это единица, соответствующая 10 тыс. дворов, применявшаяся по всей Монгольской империи. Как и в Китае, налоги сдавались на откупа, и их сбор сопровождался разнообразными злоупотреблениями. Среди чиновников, собиравших налоги, помимо «шихне» и «битикчи», упоминаются также и «даруги» (вероятно, этот термин использовался иногда как эквивалент «шихне»). Судебные дела, касавшиеся знати, подлежали компетенции особых судей – «яргучи». Как и в Китае, в Иране одно время выпускались бумажные и медные деньги с номинальной стоимостью (Насонов 1940: 98; Петрушевский 1960: 367, 392, 399; Рашид-ад-дин 1946: 257; Schurmann 1956: 310; Якубовский, Петрушевский, Строева, Беленицкий 1958).

Таким образом, можно сделать вывод, что административно-налоговая система, введенная монголами в Иране, в целом воспроизводила имперский монголо-китайский образец. Однако «в чистом виде» эта система продержалась недолго. Подушно-поземельный налог превратился в поимущественно-поземельный (Али-заде 1956: 205).

Государство ильханов копировало не только административную, но и социальную структуру империи. Общество было разделено на два сословия; завоеватели и примкнувшие к ним тюркские и иранские кочевые племена составляли военное сословие. До монголов воины получали поместья – «икта», но ильханы (вплоть до времен Газан-хана) не применяли эту практику. Воины кочевали вместе со своими семьями или располагались в гарнизонах, они получали оружие и денежные выдачи из казны («джамыги»). Хан кочевал со своей «орду», состоявшей из приближенных и гвардии. Покоренное население составляло приниженное податное сословие. Захваченные в плен ремесленники, как и в Китае, трудились на положении рабов в больших государственных мастерских («кархана») (Петрушевский 1960: 46, 263).

Имперская система была в общих чертах воспроизведена и в малоазиатском Румском султанате. «Монголы изменили систему управления, – писал В. А. Гордлевский, – упорядочили и взимание налогов: с земли, то есть с оседлого населения, брали они “кылан”, со скота, то есть с кочевников, “купчур”, с горожан и купцов –

“бадж” (дорожная пошлина – *С. Н.*) и “тамга”... словом, в Малой Азии прекратилась экономическая анархия». Источники говорят о существовании «ямов» и связанных с ними повинностях, о чиновниках – «шихнэ», об откупе налогов, о переписи населения, о ведомостях – «дефтерах». Необходимо, однако, отметить, что В. А. Гордлевский не упоминает о подушной подати в городах, возможно, источники, на которые опирается историк, относятся ко времени, когда купчур в городах был заменен тамгой (Гордлевский 1941: 39, 41, 146).

Данные о податной системе Улуса Джучи (традиционно именуемого в историографии Золотой Ордой) достаточно фрагментарны и базируются в основном на нескольких тарханных ярлыках, выданных Тохтамышем, Тимур Кутлугом и казанским ханом Сагиб Гиреем. Известно, что существовала подать с кочевников – «купчур» (в размере 1 головы со ста голов скота) и подушная подать – «ясак». Х. Шурманн и Дж. Смит на основе сопоставления тарханных грамот Персии и Золотой Орды (а также исходя из этимологических соображений) пришли к выводу, что персидская пара налогов, «купчур» и «калан», соответствует ордынской паре «ясак» и «калан», то есть «ясак» – это персидский «купчур», понимаемый в смысле подушной подати с оседлого населения (Schurmann 1956: 310, 334; Smith 1970: 48–49). М. Г. Худяков на основании материалов Казанского ханства сделал вывод, что ясак платили как горожане, так и крестьяне (Худяков 1996: 690), однако более близкий к изучаемому нами периоду ярлык Тимур Кутлуга не упоминает о подушной подати для крестьян. Согласно этому ярлыку, земледельцы платили поземельную подать «калан», который специалисты отождествляют с «хараджем» (Греков, Якубовский 1910: 55, 111). «Ясак» и «калан», таким образом, образуют пару, аналогичную иранской паре «купчур – харадж» («купчур – калан») и соответствующую имперскому подушно-поземельному налогу. Кроме того, в источниках упоминается «улаг» – повинность по обслуживанию ямских станций, постоянная повинность с предоставлением пищи, корма и содержания проезжающим чиновникам – «шусун» и «улуфа»; торговый налог – «тамга», принудительные государственные закупки – «тарх», а также некоторые мелкие сборы (Греков, Якубовский 1910: 111, 114; Березин 1864: 471; Худяков 1996: 690, 692).

В Золотой Орде, как и в Китае, проводились переписи, население было разбито на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тумены» (общее число туменов достигало семидесяти). К покоренным князьям (и не только к русским) были приставлены баскаки, но в Крыму и в Поволжье в качестве гражданских чиновников обычно упоминаются «даруги» («даругачи») разных уровней: «городские даруги», «внутренних селений даруги» и т. д. Название должности, по-видимому, перешло на название административной единицы: улус делился на «дороги». Известно, что существовали налоговые росписи – «дефтеры», которые вели писцы, «битикчи» или «бакши»; часть документации велась на уйгурском языке. Среди сборщиков налогов упоминаются «таможенники», сборщики тамги, и «поплужники»; последнее позволяет предположить, что поземельный налог («харадж»), как и в Персии, собирался с «плуга». В источниках упоминаются также судьи – «яргучи» и государственные мастерские – «кархана». Существовал также ханский двор («орду»), где во времена Казанского ханства служили «огланы» (буквально «сыновья»); это известие можно сопоставить с тем, что монгольских «кешектенов» набирали из детей знати (Березин 1864: 457; Федоров-Давыдов 1966: 92, 94, 123; Греков, Якубовский 1910: 129; Худяков 1996: 686–687; Бартольд 1968: 139).

В целом можно сделать вывод, что административная и податная система Золотой Орды в основных чертах соответствовала имперскому монголо-китайскому образцу.

* * *

Возвращаясь к теме распространения различных компонентов монгольского культурного круга, мы можем констатировать, что вслед за заимствованием военной техники шло перенимание административных и политических институтов.

Особый интерес в этом смысле представляет история Делийского султаната – одного из немногих (если не единственного) государств, сумевших отразить монгольское нашествие в открытом бою. Монгольский удар обрушился на Индию сравнительно поздно, в конце XIII в., когда монгольское оружие уже распространилось на Ближнем Востоке. Из более поздних источников известно, что, во всяком случае, в XV в. в Индии производили монгольские «саадаки» и «юшманы», а также разрывные пороховые гранаты. При султани Ала-уд-дине (1296–1316) в Дели по иранскому образ-

цу были созданы большие оружейные мастерские «кархана», и производство монгольского оружия могло быть легко налажено, в частности, благодаря тому, что в рядах султанской армии сражалось 30 тысяч монголов (Khan 1977: 25; Винклер 1992: 251; Никитин 1987: 247; Ашрафян 1960: 73). Войско султана по монгольскому образцу делилось на десятки, сотни и тысячи; каждый воин имел лук, две сабли и кольчугу, лошади были защищены попонами с металлическими пластинами. На службе султана находилось много монгольских офицеров, и некоторые обычаи делийского двора – например, запрет эмирам пить вино и совещаться между собой – могут быть объяснены влиянием монгольских порядков (Lal 1967: 171, 175, 192, 54, 70).

Перед лицом мощного монгольского наступления Ала-уд-дин был вынужден предпринять ряд реформ, направленных на усиление армии. Эти реформы в значительной степени копировали порядки монголо-иранской державы ильханов. Были конфискованы в казну все частные владения; у простых воинов были отняты их икта – как и в Иране, им стали выдавать денежное жалование. По имперскому образцу был проведен кадастр, оценена урожайность земель, и крестьяне должны были платить поземельный налог («харадж») в половину урожая – такой же высокий, как в Иране. Кроме того, был введен налог на скот и дома; составлявшие подавляющее большинство населения индусы-немусульмане платили также подушный налог – «джизью». «Джизья» и «харадж», таким образом, составляли подушно-поземельный налог, аналогичный ильханскому «купчур – калан». Была создана почтовая служба, причем повинность по обеспечению почтовых станций называлась, как и в Иране, «улаг». Монголо-иранский институт принудительных закупок («тарх») стал базой для создания государственной системы торговли, с помощью которой обеспечивалось снабжение столицы и армии. Это копирование монгольских порядков завершилось при преемнике Ала-уд-дина Мухаммад-шахе введением медной монеты с номинальной стоимостью. Переняв государственные и военные традиции завоевателей, Ала-уд-дин смог создать «великую армию» из 475 тысяч всадников, которая остановила монгольское нашествие в серии грандиозных сражений на берегах Джамны (Lal 1967: 181–184; 193, 198, 201–202; Синха, Банеджи 1954: 175).

Реформы Ала-уд-дина дают нам пример диффузионного распространения культурного круга: волна диффузии составляющих

культурный круг элементов движется впереди волны завоеваний, и государства, вовремя воспринявшие эти элементы, могут отразить приближающегося врага.

* * *

В комплекс элементов монголо-китайского культурного круга входят также некоторые достижения в области материальной культуры. На первом месте среди этих достижений стоит технология чугунного литья. Литье чугуна было освоено в Китае еще в IV в. до н. э., и ко времени монгольского завоевания чугунные изделия получили массовое распространение; к числу таких изделий относились прежде всего котлы, сошники для плугов, втулки для колес. Из Китая технология литья чугуна распространилась в кочевой мир Великой Степи и в Среднюю Азию. Одним из крупных центров этого производства была столица Монгольской империи Каракорум, и большие монгольские «арбы», отправлявшиеся отсюда по Великому Шелковому пути в Сарай, имели чугунные втулки. Археологические данные говорят, что в начале XIII в. технология чугунного литья была освоена в Туве, причем для поддержания высокой температуры использовался кокс. В начале XIV в. чугунное литье стало производиться в городах Поволжья, прежде всего в Сарае, Укеке и Болгаре. Изделия из чугуна, датируемые XIII–XIV вв., были найдены археологами в Средней Азии, на Урале (на берегу р. Исети), на Северном Кавказе, близ Киева и Липецка, в Белгороде на Днестре, на Руси (во Владимире) (Кызласов http://gasu.asu.ru/izdgagu/dr_alt/n8/st12.html).

Слово «чугун» имеет уйгурское происхождение (как и многие слова, используемые канцеляриями Монгольской империи). Чугунные котлы назывались по-татарски «чуйун казан», а по-русски – «чугун» («чугунок») или «казан». Название города Казань говорит о том, что, как и расположенный рядом Болгар, этот город был центром металлургического производства. При раскопках Болгара были найдены остатки домниц, имевших высоту до 2,5 м и работавших не на коксе, как в Китае, а на древесном угле. По мнению известного историка металлургии Д. В. Гаврилова, эта технология ничем не отличалась от той, которая была освоена в Западной Европе в конце XIV в. Л. Р. Кызласов считает, что она была завезена на Запад с помощью среднеазиатских купцов, подданных Золотой Орды, водивших свои караваны с низовий Днепра на Львов (Краснов 1987: 189).

Другим важным элементом китайско-монгольского культурного круга была техника печати. Книгопечатание было изобретено в Китае в XI в.; в XII столетии оно было известно в Уйгурии, а затем стало использоваться монголами. Как сообщает Рашид ад-дин, в начале XIV в. китайская технология книгопечатания была известна на Ближнем Востоке; китайский историк Су Фэнлинь предполагает, что она была известна и на Руси. В 1998 г. профессор Института истории естественных наук в Пекине Джи Ксин Пан, сопоставив европейскую технику печати с китайской, показал, что они совпадают даже в мелких, не имеющих технологического значения, деталях. Это, безусловно, доказывает, что книгопечатание было заимствовано европейцами из Китая.

Большой интерес представляет вопрос о заимствовании сельскохозяйственных орудий. Как известно, в XIII–XIV вв. в Волжской Болгарии и на Руси появилось пашенное орудие нового типа – соха с «полицей». В отличие от старой сохи, которая лишь царапала землю, новая соха частично переворачивала пласт. Отмечая принципиальную важность этого нововведения, Ю. А. Краснов пишет, что «трудно решить вопрос о прообразе, на основе которого полица могла сформироваться» (Краснов 1987: 189). Действительно, полица появилась в завершённом виде, у нее не было прообразов в Европе, но они были в Азии: сохи с полицами были распространены в Китае, начиная, по крайней мере, с VII в. (Крюков, Мальявин, Сафронов 1979: 29.).

Заимствования коснулись также сферы одежды и быта. Одежда в некоторых случаях играет роль военной формы, ее заимствование прямо связано с заимствованием оружия. Одежда монгольских воинов была стереотипной и содержала в зимнем варианте шапку-ушанку (монг. «малахай»), двуслойную шубу мехом наружу (монг. «доха») и сапоги с войлочными чулками («саб»), известные на Руси как «валенки». Весь этот комплект одежды был заимствован как тюрками, так и русскими; русское слово «сапог», вероятно, произошло от монгольского «саб» (Немеров 1987: 223; Хара-Даван 1991: 187; Фасмер: 1964).

Помимо чисто практической роли одежда – в особенности парадная – играет также роль этнокультурного маркера. Знать слабых государств в своей одежде старается подражать аристократии сильных государств, чтобы таким образом приблизиться к ней и, может быть, войти в ее среду. С другой стороны, народ подражает

знати и пытается по мере возможности копировать ее одежду. Восточные обычаи распространились неудержимо на Руси во времена монголов, принося с собой новую культуру, новый быт, пишет Всеволод Иванов; так, изменилась коренным образом одежда: от длинных белых славянских рубах, от бритых голов с «оселедцами», длинных штанов перешли к золотым кафтанам, цветным шароварам, сафьяновым сапогам и тафьям, мурмолкам... (цит. по: Хара-Даван 1991: 186–187). Русские носили восточные «кафтаны», «халаты», «дохи», «шубы», «тулупы», «сарафаны», «армяки», «башлыки». Восточная одежда символизировала принадлежность России к восточному культурному кругу, культурную близость к Востоку, и это прекрасно понимали на Руси. Когда в 1681 г. царь Федор Алексеевич приказал московским служилым людям носить короткие кафтаны, придворный летописец Адамов подчеркнул идейный смысл этой реформы: «...платье народу российскому повелел носить от татар отменное». Через двадцать лет Петр I приказал дворянам и горожанам сменить одежду на европейскую и сбрить бороды: это означало формальный разрыв с Востоком и переход России в европейский культурный круг.

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод, что картина монгольских завоеваний и последовавшего за ними распространения китайских и монгольских культурных элементов в основных чертах вписывается в предлагаемую культурно-исторической школой схему возникновения и распространения культурного круга. Фундаментальным открытием, породившим монголо-китайский культурный круг, было создание нового оружия – мощного рефлексировующего лука. Появление нового оружия вызвало волну монгольских завоеваний и процесс диффузии в военной сфере; при этом заимствовался не только рефлексировующий лук, но и элементы оборонительного вооружения (легкие панцири «хатангу дегель», тяжелые пластинчатые панцири, легкие кавалерийские щиты и др.), а также конно-стрелковая военная тактика и применение пороха. После завоевания Северного Китая начался процесс социального синтеза: монголы адаптировали существовавшую в Китае налоговую и административную систему, включив в нее некоторые монгольские компоненты. Это китайско-монгольское государственное устройство стало насаждаться монголами в завоеванных ими странах; его

основными элементами были: система дуального управления военных и гражданских властей («баскаки», «даруги», «шихне»); переписи населения и основанная на них система податей и повинностей (подушно-поземельный налог, «тамга», «улаг», постоянная повинность и «корм», всеобщая воинская обязанность, выражающаяся в поставках рекрутов). Существенными элементами этой системы стали: сеть почтово-транспортных станций («ям»); государственные мастерские («кархана»); государственные закупки («тарх»); бумажные или медные деньги с номинальной стоимостью.

Вслед за административно-налоговыми заимствованиями шли заимствования в сфере материальной культуры: здесь мы можем упомянуть такие элементы, как технология плавки чугуна, печатное дело и, вероятно, усовершенствованные пахотные орудия. Наконец, еще один слой заимствований связан с одеждой, бытом и духовной культурой, но ввиду ее обширности эта тема практически остается вне сферы нашего рассмотрения.

Необходимо особо отметить, что границы монголо-китайского культурного круга выходили за пределы границ Монгольской империи, что под давлением победоносных завоевателей некоторые государства самостоятельно перенимали перечисленные выше культурные элементы как в комплексе, так и по отдельности. Отдельные элементы монголо-китайского круга, такие как технология выплавки чугуна, книгопечатание, порох, стали достоянием мировой цивилизации.

Литература

Алексеев, В. В., Нефедов, С. А., Побережников, И. В. 2000. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии. *Уральский исторический вестник* 5–6: 152–184.

Али-заде, А.-К. 1956. *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв.* Баку.

Аннинский, С. А. 1940. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе. *Исторический архив*. Т. III.

Арендт, В. 1928. Где и когда был изобретен порох. *Искры науки* 12: 453–454.

Армянские источники о монголах. 1962. М.: Изд-во вост. лит-ры.

Ашрафян, К. З. 1960. *Делийский султанат*. М.: Вост. лит-ра.

Бартольд, В. В. 1968. *Сочинения*. Т. V. М.: Изд-во вост. лит-ры.

-
- Березин, И. Н.** 1864. Очерк внутреннего устройства улуса Джучидов. *Русское археологическое общество. Восточное отделение. Труды.* Т. 8.
- Бичурин, Н. Я.** 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Т. I. М.: АН СССР.
- Борисов, Н. С.** 2000. *Иван III.* М.: Молодая гвардия.
- Бранденбург, Н.** 1871. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение. *Оружейный сборник* 3: 42–63; 4: 76–97.
- Васильев, Л. С.** 1976. *Проблемы генезиса китайской цивилизации.* М.: Наука.
- Вернадский, Г. В.** 1997. *Монголы и Русь.* Тверь – Москва: ЛЕАНДР, АГРАФ.
- Веселовский, Н. И.** 1911. *Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории.* СПб.
- Винклер, П.** 1992. *Оружие.* М.: Софт-Мастер.
- Воробьев, М. В.** 1975. *Чжурчжени и государство Цзинь (X в. – 1234 г.).* М.: Наука.
- Герберштейн, С.** 1988. *Записки о Московии.* М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Гордлевский, В.** 1941. *Государство Сельджуков Малой Азии.* М. – Л.
- Горелик, М. В.**
1987. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.). В: Деревянко, А. П., Нацагдорж, Ш. (ред.), *Археология, этнография и антропология Монголии* (с. 163–208). Новосибирск: Наука.
1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. В: Рыбаков, Б. А., *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины* (с. 244–269). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Грамоты** Великого Новгорода и Пскова. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Греков, Б. Д., Якубовский, А. Ю.** 1950. *Золотая Орда и ее падение.* М.
- Данилова, Л. В.** 1955. *Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле.* М.: Изд-во АН СССР.
- Дворниченко, А. Ю.**
1993. *Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.).* СПб.
- Духовные** и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 36, 46. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Егоров, В. Л.** 1997. Александр Невский и Чингизиды. *Отечественная история* 2.

-
- Ермолов, Л. Б.** 1987. Сложносоставной монгольский лук. *Сборник музея антропологии и этнографии*. Вып. XLI: 149–156.
- Измайлов, И.** 1997. В блеске мисюрок и бехтерцов. *Родина* 3–4: 105–108.
- История Востока**. Т. II. М., 1999.
- Каждан, А. Н.** 1952. *Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. н. э.* М.
- Кирпичников, А. Н.**
1971. *Древнерусское оружие*. Вып. 3. Л.: САИ.
1980. Оружие времен Куликовской битвы. *Вестник АН СССР* 8: 92–101.
1989. К оценке военного дела средневековой Руси. *Древние славяне и Киевская Русь* (с. 141–189). Киев: Наукова думка.
- Киселев, Г. В., Мерперт, Н. Я.** 1965. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. В: Киселев, Г. В. (ред.), *Древнемонгольские города*. М.: Наука.
- Козин, С. А.** 1941. *Сокровенное сказание*. Т. I. М. – Л.: КМК.
- Крадин, Н. Н.** 2001. *Империя хунну*. М.: Логос.
- Краснов, Ю. А.** 1987. *Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы*. М.: Наука.
- Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В.** 1979. *Китайский этнос на пороге средних веков*. М.: Наука.
- Кулишер, И. М.** 1925. *История русского народного хозяйства*. Т. 1. М.
- Кычанов, Е. И.**
1966. Чжурчжени в XI веке. *Сибирский археологический сборник* 2: 277–278. Новосибирск.
1973. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М.: Наука.
- Ланда, Р. Г.** 2000. Россия и ислам: взаимодействие культур. *Восток* 5.
- Любавский, М. К.** 1898. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута*. М.
- Ларичев, В. Е., Тюмина, Л. В.** 1975. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши»). В: Ларичев, В. Е. (ред.), *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*. Новосибирск: Наука.
- Макаров, Н. А.** 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений. *Русь в XIII веке. Древности «темного» времени*. М.
- Макьюэн, Э., Миллер А., Бергман, А.** 1991. Конструкция и изготовление древних луков. *В мире науки. Scientific American* 8: 38–75.
- Маркевич, В. Е.** 1994. *Ручное огнестрельное оружие*. СПб.: Полигон.
- Марко Поло.** 1940. *Путешествие*. Л.: Худ. лит-ра.
- Матфей Парижский.** 1997. Великая Хроника. В: Куркчи, А. Н. (сост.), *Русский разлив. Арабески истории. Мир Льва Гумилева* (с. 268–287). М.: Танаис.

-
- Медведев, А. Ф.**
1959. К истории пластинчатого доспеха на Руси. *Советская археология* 2: 119–121.
1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *Советская археология* 2: 50–61.
1968. *Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв.* М.: Наука.
- Мункуев, Н. Ц.** 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах.* М.: Наука.
- Мэн-да бэй-лу** («Полное описание монголо-татар») / пер. с кит. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.
- Насонов, А. Н.**
1940. *Монголы и Русь.* М. – Л.: Изд-во АН СССР.
1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *Советская археология* 2.
- Немеров, В. Ф.** 1987. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. *Советская археология* 2: 212–227.
- Никитин, А.** 1987. Хождение за три моря. *Все народы едино суть.* М.: Молодая гвардия.
- Очерки** истории Китая с древности до «опиумных» войн. М.: Вост. лит-ра, 1959.
- Очерки** истории русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977.
1955. Памятники русского права. Вып. 3. М.: Госюриздат.
- Пастухов, Н. П., Плотников, С. Е.** 1983. *Рассказы о стрелковом оружии.* М.: Изд-во ДОСААФ СССР.
- Петрушевский, И. П.** 1960. *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков.* М. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Пиков, Г. Г.** 1989. *Западные кидани.* Новосибирск.
- Плутарх.** 1964. *Сравнительные жизнеописания.* Т. III. М.: Изд-во АН СССР.
- ПСРЛ (Полное собрание русских летописей).** Т. 2: 35. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Преображенский, А. Г.** 1958. *Этимологический словарь русского языка.* М.: ГИИНС.
- Путешествие** в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957.
- Рашид-ад-дин.** 1946. Сборник летописей. Т. II, III. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

Ревель, Ж. 1998. История и социальные науки во Франции. *Новая и новейшая история* 6: 80–92.

Савинов, Д. Г. 1981. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири. В: Худяков, Ю. С. (ред.), *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии* (с. 146–162). Новосибирск: Наука.

Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 4. М., 1977.

Соловьев, С. М. 1988. *Сочинения*. Кн. II. М.: Мысль.

Синха, К. Н., Банеджи, А. И. 1954. *История Индии*. М.

Пасский, И. Г. 1960. *Русская монетная система*. М.: Учпедгиз.

Татищев, В. Н. 1965. *История Российская*. Т. 5. М. – Л.: Наука.

Тихонов, Д. И. 1966. *Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв.* М. – Л.: Наука.

Турбервиль, Дж. 1990. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. В: Горсей, Дж. *Записки о России. XVI – начало XVII в.* (с. 245–260). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Хорошкевич, А. Л. Плигузов, А. И. 1989. Русь XIII столетия в книге Дж. Фенелла. В: Фенелл, Дж., *Кризис средневековой Руси. 1200–1304* (с. 5–22). М.: Прогресс.

Шавкунов, В. Э. 1987. К вопросу о луке чжурчженей. В: Медведев, В. Е., Худяков, Ю. С. (ред.), *Военное дело древнего населения Северной Азии* (с. 135–200). Новосибирск: Наука.

Школяр, С. А. 1980. *Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования)*. М.: Наука.

Хара-Даван, Э. 1991. *Чингис-хан как полководец и его наследие*. Элиста.

Хорошкевич, А. П. 1988. Изменение формы государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм)*. М.

Храпачевский, Р. П. 2004. *Военная держава Чингисхана*. М.: ВЗОИ.

Худяков, М. Г. 1996. Очерки по истории Казанского ханства. *На стыке континентов и цивилизаций... (из истории образования и распада империй X–XVI вв.)*. М.: Инсан.

Худяков, Ю. С.

1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука.

-
1991. *Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья*. Новосибирск: Наука.
1993. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии. В: Медведев, В. Е., Худяков, Ю. С. (ред.), *Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока* (с. 107–148). Новосибирск.
1997. *Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья*. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- У Хань**, 1980. *Жизнеописание Чжу Юаньчжана*. М.
- Фасмер, М.** 1964. *Этимологический словарь русского языка*. Т. IV. М.: Прогресс.
- Федоров-Давыдов, Г. А.** 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Флетчер, Дж.** 2003. О государстве Русском. *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Смоленск: Русич.
- Фома Сплитский.** 1997. *История архиепископов Салоны и Сплита*. М.: Индрик.
- Ченслер, Р.** 2003. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском. В: Иванова, О. Ю. (ред.), *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев* (с. 431–455). Смоленск: Русич.
- Чулуны Далай.** 1983. *Монголия в XIII–XIV веках*. М.
- Якубовский, А. Ю., Петрушевский, И. П., Строева, Л. В., Белецкий, Л. М.** 1958. *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та.
- Янин, В. Л.** 1983. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. М.: Изд-во МГУ.
- Chambers, J.** 1974. *The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe*. N. Y.: Phoenix Press.
- Conolly, P.** 1981. *Greece and Rome at War*. L.: Macdonald.
- Guins, G. G.** 1963. Russia's place in world history. *The Russian Review* 27(4): 355–368.
- Graebner, F.** 1911. *Method of Ethnology*. Heidelberg: C. Winter.
- Juvayni, Ala'uddin.** 1958. *The History of World Conqueror I*. Cambridge (Mass.).
- Khan, I. A.** 1977. Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A.D. 1250–1500. *The Indian Historical Review* 4(1).
- Lal, K. S.** 1967. *History of the Khaljis (1290–1320)*. London.

Martin, H. D. 1950. *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China*. Baltimore: Johns Hopkins Press.

Mirsky, P. P. 1952. *Russia. A Short cultural history*. London.

Heichelheim, Fr. 1938. *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*. Bd. I–II. Leiden.

Ostrowski, D.

1998. *Muskovy and the Mongols: cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.

2000. Idem. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institutions: A Reply to Halperin's Objections. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1(2).

Schurmann, H. F. 1956. Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 19: 367–370.

Silfen, P. H. 1974. *The Influence of the Mongols on Russia: A Dimensional History* (p. 91). N. Y.: Exposition Press.

Smith, J. M. 1970. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 30.

Florinsky, M. 1953. *Russia. A History and an Interpretation* I. N. Y.

Vasary, I. 1978. The Origin of the Institution of Basqaqs. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 32.

Материалы Интернета:

Беляков, А. 2002. Всеоружие по-царски. *Интеррос* 5//<http://www.interros.ru/magazine/05-2002/Rev/Arsenal>

Дмитриев, В. З. 2004. Хырз. Доступно на: <http://www.enc.cap.ru>

Кызласов, Л. Р. Клад земледельческих орудий с надписями XIII века на Верхнем Енисее // *Древности Алтая*. Вып. 8 // http://gasu.asu.ru/izdgagu/dr_alt/n8/st12.html

Малик-зода, А. *Монгольский военно-исторический словарь* – http://xlegio.enjoy.ru/pubs/mongol_voco/mongol_voco.htm

Szabó, C. A. *Brief Historical Overview of Hungarian Archery* – http://www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm